

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82:801

ДОСТОЕВСКИЙ О ПУШКИНЕ И НЕКОТОРЫХ ЕГО ГЕРОЯХ

© 2013 Абдулаев А.А.

Дагестанский государственный педагогический университет

В статье предпринята попытка внести некоторые малосущественные, но необходимые уточнения и дополнения в освещение Ф. М. Достоевским в «Речи о Пушкине» мировоззренческой концепции А. С. Пушкина и трактовку отдельных образов романа «Евгений Онегин», основанные на результатах лингвокультуроведческого анализа текстов.

The author of the article attempts to make some unimportant, but necessary specifications and additions into F.M. Dostoevsky's interpretation in "Speech about Pushkin" A.S. Pushkin's vision and interpreting some images in "Eugene Onegin" novel, based on the results of linguistic and cultural analysis of texts.

Ключевые слова: Кавказ, Пушкин, черкесы, гений, пророчество, племена.

Keywords: Caucasus, Pushkin, Circassians, genius, prophecy, tribes.

В преувеличенно оцененной в общественном сознании россиян «Речи о Пушкине» Ф. М. Достоевского, произнесенной 8 июня 1880 г. на открытом заседании Общества любителей российской словесности по случаю открытия памятника А. С. Пушкину в Москве, констатируются великие заслуги гениального поэта, в частности, его пророчество, всемирная отзывчивость, всемирность и всечеловечность его гения, «свойство перевоплощаться вполне в чужую национальность». Федор Михайлович на полном основании утверждает, что удел русского народа «есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей».

В данной статье предпринимается попытка внести ясность в те моменты «Речи о Пушкине», которые

представляются не только излишне категоричными, но и не соотносящимися с историческими реалиями и показаниями текстологического анализа романа Пушкина «Евгений Онегин».

По мнению автора «Речи», некоторые произведения, созданные Пушкиным в последний период его творчества, могли явиться «в самом начале поэтической деятельности нашего поэта, ибо Пушкин был всегда цельным, целокупным, так сказать, организмом, носившим в себе все свои зачатки разом, внутри себя, не воспринимая их извне».

Однако мировоззрение Пушкина, его взгляды на отношение России к Кавказу не были неизменными на протяжении всех лет его литературной деятельности. Он по-разному смотрел на события на Кавказе, их последствия и перспективу и характер межнациональных отношений в

их обозримом будущем в 1820 г. и 1829 г. Концепция Пушкина, связанная с актуальной в его время проблемой Кавказа и оценка завоеваний царской военщины эволюционировала в соответствии с его объективным анализом происходящего, непосредственным знакомством с жизнью горцев. Так, в эпилоге поэмы «Кавказский пленник», которая написана была в 1820 году, в духе официальной политики царизма, Пушкин воспевает «героев» Кавказской войны «пылкого Цицианова, героя Котляревского, бич Кавказа:

Тебя я воспую, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой –
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...

Поэт обращается к Кавказу с грозным предупреждением:

Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!..
И далее:

И смолкнул ярый крик войны,
Все русскому мечу подвластно.

В связи с такими категорическими утверждениями Пушкина нам представляется вполне оправданным с точки зрения общечеловеческой гуманистической морали суровый вердикт, который вынес эпилогу «Кавказского пленника» П. А. Вяземский, писавший 22 сентября 1822 г. в письме к А. И. Тургеневу:

«Мне жаль, что Пушкин окровавил последние стихи своей повести. Что за герой Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он

Как черная зараза,
Губил, ничтожил племена?..

Если мы просвещали бы племена, то было бы что воспеть. Поэзия – не союзница палачей» [4. С. 393]. Какой разительный контраст во мнениях Пушкина и Вяземского об одних и тех же современных им явлениях! Но зрелый Пушкин не мог разделить свою мысль, высказанную в 1820 году, свою непоколебимую уверенность в справедливости, неизбежности и исторической оправданности покорения Кавказа «русским мечом».

О том, что отношение Пушкина к проблемам завоевания Кавказа ... не оставалось неизменным, а эволюционировало и изменялось, причем довольно кардинальным образом, пишет Н. А. Горбанев [5. С. 269].

«Созданные на основе кавказских впечатлений произведения поэта 1820 и 1829 и 1835 годов перекликались друг с другом и по сходству, и – гораздо чаще – по контрасту.

Вместо державно-патриотического «восторга» в духе военных од Державина по поводу побед «русского меча», который пронизывал строфы эпилога «Кавказского пленника», – полное молчание на этот счет в стихах и трезвые размышления в прозе о предварительных и печальных итогах кавказских завоеваний» [5. С. 273].

Об эволюции взгляда Пушкина на Кавказскую войну и ее последствия свидетельствуют два его письма к брату: одно, написанное в 1820 году, второе – в 1829 году. В сентябре 1820 г. поэт писал своему брату: «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех (своих) отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персианами безопасною торговлею, не будет нам преградой в будущих войнах, – и может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии» [Библиотека великих писателей. Пушкин. СПб., 1911. С. 497].

Через девять лет эти иллюзорные прогнозы поэта относительно достижения таких экспансионистских планов, реализация которых оказалась не под силу даже Наполеону, совершенно исчезли. Это находит подтверждение в письме Пушкина к брату: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу углубляются в горы и оттуда

направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единомышленникам» [Цит. по 5. С. 275]. Здесь нетрудно уловить мысль поэта о том, что война с горцами бесперспективна, что за ними сохранялся шанс вернуть завоеванное.

О кардинальном изменении взглядов Пушкина на кавказские события свидетельствует то, что он опубликовал в первом томе своего журнала «Современник» художественную зарисовку «Долина Ажитугай» корнета лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона Султана Казы-Гирея. Данная публикация позволяла взглянуть на Кавказ глазами кавказских горцев. Например, автор очерка пишет: «Думал ли я десять лет тому назад видеть на этом месте русское укрепление и иметь ночлег у людей, которым я грозил враждой, бывши еще дитятей. Все воинские приемы, к которым я приноравливался во время скачек на этом поле, всегда были примером нападения на русских, а теперь я сам стою на нем русским офицером».

А. С. Пушкин пришел в откровенный восторг по поводу этого произведения черкеса, обрадовался тому, что в рядах русских писателей появился нерусский автор, написавший на русском языке сильно и живописно. «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! – писал Пушкин в примечании к сочинению Султана Казы-Гирея. – Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей, черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымских гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как наконец магометанин с глубокой думою смотрит на крест, эту хоруговь Европы и просвещения». Кстати сказать, определение креста как «хоругви Европы и просвещения» Пушкин позаимствовал

из текста Казы-Гирея, тем самым, может быть, желая отметить роль христианского миссионерства на Кавказе, казавшегося ему действенным средством усмирения «диких» (то есть необузданных) черкесов, приобщения их к европейскому образу духовной жизни.

Пушкин не мог не предположить, что публикация произведения черкеса «Долина Ажитугай», вызовет негативную реакцию шефа жандармов графа А. Х. Бенкендорфа. Последовало его строгое замечание и предупреждение о том, чтобы впредь без предварительного его или начальника его штаба разрешения не помещал в журнале подобные произведения.

О том, что Пушкин в 1829 году смотрел на кавказские реалии под углом зрения горцев, свидетельствует неопубликованное продолжение стихотворения «Кавказ». Сравнивая ситуацию на Кавказе с Терекком, который Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной,
И бьется о берег в вражде бесполезной,
поэт писал:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят.

Обращает на себя внимание наречие *ныне* в словосочетании «ныне безмолвный», которое тоже выражает убежденность поэта в том, что Кавказ не будет навсегда безмолвным. Уместно сослаться на факт употребления поэтом этого наречия в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», написанном в 1836 году.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,

И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и *ныне* дикий

Тунгус, и друг степей калмык.

О существовании в Сибири диких тунгусов Пушкину писал его друг декабрист В. К. Кюхельбекер. Однако гениальный поэт, предвидя, что они не всегда будут такими, добавил наречие *ныне*. Важно подчеркнуть факт преподнесения всех населяющих Россию

народов как равноправных граждан независимо от численности, веры и родного языка.

Таким образом, вопреки утверждению Достоевского, Пушкин пережил закономерную эволюцию своего мирозерцания, в результате которой оно стало объективным, оправданным реалиями.

Вызывают возражения и некоторые выводы Достоевского об отдельных героях романа Пушкина «Евгений Онегин». Так, возрастная идентификация мужа Татьяны, безымянного генерала, о котором в тексте сказано очень мало, имеет большое значение для дискурсивно оправданной объективной трактовки ее судьбы и идейного стержня произведения.

Нет ничего удивительного в том, что в воображении неподготовленного читателя образ мужа Татьяны ассоциируется с почтенным возрастом, так как обыкновенно генералом становится военный в пожилом возрасте. Однако текстологический анализ романа позволяет прийти к иному заключению о возрасте генерала и, следовательно, иной трактовке судьбы Татьяны.

Ссылаясь на категорический ответ Татьяны Онегину «отдана другому» и будет «век ему верна», Достоевский вопрошает: «Кому же, чему же верна? Каким это обязанностям? Этому-то старику генералу, которого она не может же любить, потому что любит Онегина..?» Вполне справедливо утверждая, что безнравственно строить счастье на несчастье другого, в качестве примера писатель упоминает «честного старика», который мог бы быть обесчещенным, пойдя Татьяна за Онегиным. Еще говорится об «этом старике, о несчастье этого старика», а также о том, что Татьяна не пошла бы за Онегиным, «если бы умер ее старый муж и она овдовела».

Такое необъективное мнение Достоевского о муже Татьяны сложилось у писателя, на наш взгляд, вследствие двух причин. Во-первых, он не принял во внимание косвенных свидетельств о возрасте генерала и судьбе Татьяны, содержащихся в тексте романа, во-вторых,

представляя слушателям «Речи» генерала как старика, оратор акцентировал внимание на казавшемся ему возрастным контрасте между молодой Татьяной и ее старым мужем, чтобы тем самым подкрепить мнение о трагизме судьбы Татьяны, о том, что она, отчаявшаяся страдалница, пожертвовала собой во имя сохранения чести старого мужа.

Если бы генерал был стар, то Татьяна в тот момент, когда тетушки показали на него и она увидела его впервые, назвала бы его «стариком», а не «толстым генералом». Если бы генерал был стар, то он не стал бы вспоминать с Онегиным, своим родственником и другом, «проказы, шутки прежних лет». Значит, генерал был не намного старше Онегина, т. е. ему не было и тридцати лет. Н. Л. Бродский, констатируя факт, что «в пушкинскую эпоху молодые люди раньше, чем впоследствии, могли достигать видного положения в обществе, с ссылкой на Н. О. Лернера в качестве примера указывает на Николая Раевского-младшего, друга Пушкина, который в 29 лет был уже генералом [3. С. 308].

О возрасте генерала В. Набоков пишет: «Первоначально (варианты белой рукописи и отвергнутые чтения) муж Татьяны и Онегин вспоминали «затеи, мненья... друзей, красавиц прежних лет», а это служит доказательством того, что князь N не мог быть старше Онегина более чем на полдюжины лет, и следовательно, ему было тридцать с небольшим» [8. С. 1248].

Следует отметить, что многие считали и считают мужа Татьяны старым. «Оперные постановки «Онегина» (музыка П. И. Чайковского) закрепили в сознании читателей «старость» князя-мужа Татьяны (с фамилией Гремина, придуманной автором либретто М. И. Чайковским)» [8. С. 309].

Мы считаем существенным аргументом, опровергающим мнение Достоевского о старости генерала, то, что Онегин не без удивления спрашивает его: «Так ты женат! не знал я ране! Давно ли?». Следовательно, если бы муж Татьяны был стар, то, что он женат, не вызвало бы удивления Онегина. И еще,

если бы муж Татьяны был стариком, то не только он, но и она производили бы другое впечатление на окружающих в обществе. Обратимся к тексту:

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взор ее очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале; и всех выше
И нос и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.

Такая манера генерала, если бы он был стар, выглядела бы нескромной и вызвала бы ироническую улыбку, насмешку, а не тот неподдельный пиетет, с которым относились к супругам и мужчины, и женщины, и девушки. Следовательно, оправдан вывод о том, что генерал «по возрасту не был старым, принадлежал к тому же поколению, что и Онегин» [10. С. 217].

Представляется неубедительным вывод Достоевского, будто «и в отчаянии и в страдальческом сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и незабываемое, на что опирается ее душа. Это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь». Сомнительно, чтобы воспоминания детства служили единственной опорой в жизни взрослой женщины, у которой появились более важные жизненные ценности и интересы. Достоевский, называя «отчаявшуюся» вроде Татьяну со «страдальческим сознанием», жизнь которой, по его словам, «погибла», объявляет «апофеозой русской женщины». Если обратиться к отдельным фрагментам текста романа «Евгений Онегин», то мало останется уверенности в справедливости умозаключений автора «Речи о Пушкине». О том, что не погибла жизнь Татьяны, что она органически вписалась в жизнь столичного высшего света, нашла себя в последнем, говорит даже такая, казалось бы, частная деталь, что Онегину показалась знакомой дама, «которая с послом испанским говорит». Это была Татьяна, которая достигла такого высокого уровня

интеллектуального и культурного развития, который позволял ей не только чувствовать себя достойной статуса светской дамы, причем намного превосходящей окружающих, но и непринужденно, совершенно свободно общаться с иностранным послом, обладая не только достаточным для этого запасом преинформации, но и опытом общения в дипломатических кругах.

Было ли неожиданным или чуждым светское общество, в котором оказалась Татьяна, выйдя замуж за генерала? Как свидетельствует текст романа, она еще в детстве психологически готовила себя к светскому этикету. В строфе XXVI 2-ой главы читаем:

Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
К приличию, закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

Можно ли считать несчастной Татьяну? Ответ на этот вопрос находим в той же «Речи» Достоевского, в которой говорится: «Счастье не в одних наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа». Из дискурсивных смыслов макроконтекста романа становится очевидным то, что Татьяна достигла «высшей гармонии духа».

Существенным противоречием Достоевского в его «Речи» можно считать то, что он, с одной стороны, Татьяну называет «настоящей русской женщиной», «апофеозой русской женщины», а с другой, утверждает, что в «Евгении Онегине» Пушкин отразил «самую глубь нашей сути, нашего верхнего, над народом стоящего общества».

Возникает вопрос, как может представитель «над народом стоящего общества» быть типом и своего и другого, стоящего под ним низшего общества, которое при крепостном праве состояло на 90% из неграмотных, темных крестьян? А почему бы не назвать Татьяну типом дворянской девушки, которая только скучала или читала французские романы, не имея ничего общего с «нижестоящим обществом»,

почему она не представитель столичного светского общества, в котором она стала звездой первой величины, столь далекого от «низшего общества»?

Достоевский утверждает, что Татьяна не может любить мужа, потому что любит Онегина. В это поверить трудно, так как ее любовь к Онегину была уже в прошлом, о своей любви к нему она говорит в прошедшем времени. Так, в сорок третьей строфе восьмой главы читаем:

Онегин, я тогда моложе,

Я лучше, кажется, была,

И я *любила* (курсив наш – А.А.) вас...

Итак, Татьяна не *любит*, а *любила* Онегина. А когда она говорит ему: «Я вас люблю, к чему лукавить», она однозначно лукавит. Она не могла продолжать любить его по ряду серьезных причин, имевших для нее весьма важное значение:

1. В начале романа Онегин не понял ее души, не оценил ее сердца, и она не могла продолжать любить его.

2. Татьяна, ознакомившись в доме Онегина с книгами, которые он читал, отмечая какие-то места, поняла, что он не определился в жизни как самостоятельная личность. А любить такого человека она не могла.

3. Онегин с нескрываемым садизмом поиздевался над Ленским и «в глупой злости», «от хандры» убил его. Татьяна могла лишь возненавидеть убийцу будущего мужа своей сестры.

4. Она давно поняла, что он не может дать ей счастье, видела, кто он такой.

Достоевский, противореча самому себе, но совершенно справедливо говорит: «Ведь она же видит, кто он такой: вечный скиталец увидал вдруг женщину, которую прежде пренебрег, в новой блестящей недостижимой обстановке – да ведь в этой обстановке – пожалуй, и вся суть дела. Ведь этой девочке, которую он чуть не презирал, теперь поклоняется свет – свет, этот страшный авторитет для Онегина, несмотря на все его мировые стремления, – вот ведь, вот почему он бросается к ней ослепленный!.. Да разве этого не видит в нем Татьяна, да разве она не разглядела его уже давно? Ведь она твердо знает, что он в сущности любит только свою новую фантазию, а не ее, смиренную, как и прежде, Татьяну! Любит фантазию, да ведь он и сам фантазия... «это былинка, носимая ветром».

5. То, что Онегин пытался ухаживать за замужней Татьяной, за женой своего родственника, сознательно стремился к тому, чтобы разбить семью своего родственника, обесчестить его во имя обретения «соблазнительной чести», должно было вызвать у нее неприязнь к человеку с сомнительным понятием о морали и чести.

Таким образом, выпрениая «Речь о Пушкине» Ф. М. Достоевского содержит ряд умозаключений, нуждающихся в уточнении и дополнительной аргументации, следовательно, требующих дальнейшего освещения с привлечением данных лингвокультуроведческого анализа более широкого круга текстов.

Примечания

1. Абдуллаев А. А. Социоллингвистический комментарий к переводу «Евгения Онегина» на лакский язык // Известия ДГПУ. 2009. №3. С. 50-57. 2. Белинский В. Г. Евгений Онегин. Собр. соч. Т. 6. М., 1981. С. 362-426. 3. Бродский Н. Л. Роман Пушкина «Евгений Онегин» М., 1950. 4. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. 5. Горбанев Н. А. Кавказ в творчестве А. С. Пушкина // Горизонты современного гуманитарного знания. К 80-летию академика Г. Г. Гамзатова. М., 2008. С. 268-275. 6. Долинина Н. Прочитаем «Онегина» вместе. Заметки о романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Л., 1975. 7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Речь о Пушкине. СПб., 1881. 8. Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1993. 9. Тахов А. Г. Судьба Евгения Онегина. Комментарий. Пушкин А. С. М., 1980. 10. Шанский Н. М., Турьянская Б. И. Этот загадочный «Евгений Онегин». М., 2001. 11. Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Т. 1. СПб., 1836.

Статья поступила в редакцию 25.01.2013 г.